

Владимир Коваленко

Царство

18+

Владимир Коваленко

Царство

«Автор»

2026

Коваленко В. В.

Царство / В. В. Коваленко — «Автор», 2026

Конец X века. Время волков, где прав тот, чья сталь острее. В Киеве старый князь Святослав делит власть между сыновьями: расчетливым Ярополком, бешеным Олегом и бастардом Владимиром. Пока столица тонет в интригах, гниль тронула корни державы. В лесах Древлянской земли вождь Волк принес общине мир, но его брат Валес жаждет трона любой ценой. Подожженный амбар превращает выборы на Белом камне в кровавую резню. Из стольного Града бегут двое изгнанников: юный княжич Владимир с ножом у горла и его воевода Добрыня — огромный варяг с руками по локоть в крови. У них нет дружины, лишь смертный приговор от брата Олега за спиной. Их путь лежит через болота — туда, где помнят закон топора, а не звон серебра. «Царство» — мрачная история о цене власти. Здесь три мира столкнутся в одну ночь: лесные общины, грызущиеся за выживание; Рюриковичи, играющие в братоубийство; и степняки-кочевники, торгующие русской кровью. Выживет ли честь там, где правит выгода?

© Коваленко В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Царство	5
Глава 1. "Вече"	6
Глава 2. "Царевич"	10
Глава 3. "Спасение хуже смерти"	16
Глава 4. "Спасение хуже смерти"	22
Глава 5. "Вожак"	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Царство

Царство

Глава 1. "Вече"

Устье глотало туман вместе с верхушками старых елей. Обычное утро, если не считать того, что к вечеру решится, кому дышать этим воздухом свободно, а кому просить милостыню на торгу. Игорь ворочал скользкую морду верши, стараясь не думать о главном идоле на поляне. Там уже разложили белый камень.

Волк наточил свой топор до зеркального блеска и надел лучшую рубаху — ту самую, ради которой мать два месяца меняла меха на иноземный лен. Брат хочет власти. А Игорю досталась грязь, ледяная вода и надежда, что старая щука не прогрызла прутья снасти. Одна дыра в плетении — и вместо почета они получают насмешки всей общины.

Игорь намотал мокрую веревку на кулак и потянул. Тяжелая снасть не поддавалась, а затем резко дернулась, едва не вывихнув ему плечо. Не мертвая коряга — живое, упругое сопротивление дна. Зацеп. Холодная вода мгновенно пропитала обмотки на ногах. Выругавшись сквозь зубы, Игорь побрел к берегу. Выходить пустым из реки перед выборами — дурной знак, оставить дорогую морду валунам он не мог. Скользя по раскисшей глине, он нырнул в густой ольшаник — околос, что стеной стоял у самой воды. Здесь пахло прелью и грибницей. Где-то здесь, под выворотнем, Волк прятал свой плотницкий топор с широким лезвием — им удобнее всего было обрубать старые путы.

Игорь уже протянул руку к сырой древесине, когда голоса заставили его замереть. Они доносились совсем рядом, за густым лапником — там, где охотники обычно свежуют дичь. Он узнал бас старого бортника Луки, чей род всегда держал сторону Валеса. Второй голос был незнакомым, пришлым — сухим, с легкой картавостью лесного народа с верховьев.

— ...на белом камне всё решают стрелы старейшин, — цедил пришелец.

— Ваш вожак думает своим железом напугать Каму. Дурак. Пока он будет красоваться в своей рубахе перед бабами, мои люди затешутся в толпе. Как только старцы поднимут руки...

— Кровью харкнет, — глухо закончил Лука.

— Валес велел бить сразу в горло, чтоб не успел даже за рукоять взяться. Сказал: голова Волка мне нужна до того, как первый дым дойдет до небес. После этого община сама кинет серебро в мой пояс. Старики любят тишину больше, чем громкие обещания.

У Игоря похолодело в груди. Это была не просто торговая свара или спор за охотничьи угоды. Заговор. Открытый, наглый, озвученный прямо здесь, в десяти шагах от общинного круга. Его брат, стоящий сейчас у идола и уверенный в своем праве сильнейшего, шел прямо-ком в ловушку. И никто об этом не знал. Даже сам Волк.

Сухая ветка предательски хрустнула под коленом Игоря. Голоса за лапником мгновенно смолкли, словно их отрезало ножом. Игорь замер, вжимаясь животом в ледяную жижу и гнилые прошлогодние листья. Он слышал только, как тяжело ворочается кровь в ушах и где-то высоко, невидимый за туманом, тоскливо скрипит одинокая сосна.

— Там кто-то есть? — голос пришлого прозвучал совсем рядом, с другой стороны выворотня. Хрустнула кожаная португепя.

— Проверь, Лука. Если это медведь-шатун, зима будет голодной. Если чужой человек — Валес захочет познакомиться с ним раньше старейшин.

Игорь понял, что топор ему уже не достать. Пальцы сами собой нащупали теплую костяную рукоять засапожного ножа. В голове билась одна паническая мысль: «Только бы обмотки не соскользнули, только бы нога не поехала». Лука шумно втянул ноздрями сырой воздух и начал ломиться сквозь кусты прямо на него, раздвигая тяжелые ветви. Вместо того чтобы вскочить и бежать, выдав себя треском валежника, Игорь сделал то, чего сам от себя не ожидал: он медленно, сантиметр за сантиметром, пополз по дуге обратно к воде, уходя против ветра. Песок и острая крошка ракушечника забивались под ногти. Колючки шиповника рвали рубаху

на спине. Когда бортник проломил лапник в том месте, где секунду назад лежала голова Игоря, тот уже скатился с обрыва обратно в реку, укрыв тело за широким выступающим корнем старой черной ольхи.

Лука постоял на краю околка, всматриваясь в серую муть, сплюнул и побрел прочь, громко ругая расплотившихся росамах. Шаги стихли. Туман снова поглотил звуки.

Игорь остался лежать в воде. Холод больше не чувствовался — его сменило тянущее, липкое онемение в бедрах. Сердце колотилось где-то в самом горле, мешая вдохнуть. Нужно бежать к идолу. Выдернуть брата из толпы, крикнуть во весь голос... Но воображение тут же нарисовало лицо Волка. Не благодарность увидит Игорь в этих холодных глазах, а брезгливую усмешку. *«Налакался болотной водицы, младшой? Почудилось?»* Старейшины переглянутся, поднимут свои стрелы, и белый камень сегодня точно достанется Валесу. Сумасшедший родич, путающийся под ногами перед самым сходом — худшая примета для вождя. Спасая жизнь брата силой, он убьет его политически.

Раздался тихий шелест кожи о кожу — Лука вытащил нож, звук был похож на точильный брусок.

— Собака залаяла на выселках, — громко сказал бортник своим обычным, хозяйским тоном, давая понять товарищу, что тревога ложная.

— Пойдем, до полудня еще шесты тесать. Шаги окончательно удалились вглубь леса, туда, где Валес ждал вестей. Игорь отпустил корень. Веревка верши давно выскользнула из разжавшихся пальцев и теперь тихо покачивалась на свинцовой воде.

Он выполз на берег, цепляясь пальцами за корни, и рухнул на колени. Заговорщики ушли готовить убийство, а он, единственный свидетель, оказался слишком труслив или слишком горд, чтобы вмешаться напрямую. Теперь их судьбы разделились окончательно: Волк шагнет на белый камень навстречу заговоренной стали, уверенный в своей правоте, а Игорь останется здесь, среди прели и грибницы, зная, что через час станет свободным сиротой. И эта свобода пугала его куда больше, чем ледяная вода.

Игорь отпустил рукоять ножа. Пальцы не слушались, сведенные судорогой от пережитого ужаса и ледяной воды. Нет, он не станет выскакивать на поляну с безумными глазами — Волк лишь поморщится от стыда за трусливого брата. Если Игорь хочет спасти род, это должно выглядеть как общая беда, а не семейная истерика. Рассудок, холодный и острый, как осенний нож, взял верх над страхом. Чтобы выдернуть копьё из груди брата, нужно ударить в самое сердце общины. Белый камень далеко, там только слова. А здесь, в центре поселения, стоит общинное капище-хранилище: пушнина для княжьей дани, соль, что дороже золота, камышовые вязки для крыш и смола для лодок. Сгорит это — сгорит их жизнь до самой весны. Старейшины забудут о выборах быстрее, чем упадет первая искра. Насквозь мокрый, продрогший до костей, Игорь скользнул по краю околка. Он двигался бесшумно, сливаясь с тенями старых елей, обходя дозорные места Валеса. Сегодня деревня была пуста — все живые души стянулись к белому камню слушать речи. Тишину нарушал лишь треск разгорающегося вдалеке первого костра, который он запалил для отвода глаз. Дорога к амбару была свободна.

Тяжелый замок поддался сразу — петли разбухли от вечной сырости, и створки ворот разошлись со скрипом, похожим на стон. Внутри пахло богатством: терпкой сухой травой, соленой рыбой и зверем. В темноте угадывались горы собольих шкурок, лари с солью и пузатые бочки. Игорь нашел ушат с густой черной жижей — той самой дёгтем-смолой, которой конопатили днища ладей перед ледоставом. Руки начали мелко трястись. Он зачерпнул липкую массу глиняным черепком и плеснул на ближайший ворох отборных кунных мехов. Затем облил связки сухого камыша и край деревянного настила.

Он остановился, сжимая в пальцах тлеющую лучину. Сердце пропустило удар, а потом ухнуло вниз. Перед глазами встала картина: обугленные бревна, плачущие дети и пустой котел. Жизнь его брата... или голод всей деревни? Если убьют Волка сегодня, не вырежут ли всю

семью завтра, решив, что они станут мстить? Но будет ли им сама месть, если община вымрет от голода этой зимой, лишившись всех запасов? Будет ли чистота крови стоить соли, за которую весной купят зерно?

Руки затряслись так сильно, что едва не выронили огонь. Выбор исчез. Оставалось только пламя.

Не ради тебя, — прошептал Игорь в душный полумрак амбара, глядя на стену, где висела старая сеть отца.

— *Ради них.*

Пламя лизнуло черную лужу. Огонь взвыл. Это был не робкий огонек первой верши — это взревел жадный, рыжий зверь. Смола вспыхнула мгновенно, перекидываясь на сухие стены. Жар ударил в лицо с такой силой, что Игорю показалось, будто загорелись брови. Дым мгновенно забил легкие, выжигая глаза. Ослепленный и кашляющий, он бросился к выходу, выставив руки вперед. По ту сторону толстых досок послышался тот самый тяжелый, уверенный шаг. Пришелец с верховьев. Сапоги глухо бухнули совсем рядом, остановились.

Игорь припал глазом к широкой щели между неплотно пригнанными воротинами. Он видел только стоптанные каблуки чужих кожаных чобот, заляпанных речной грязью. Заговорщик тоже остановился, привлеченный ревом пламени. Послышался тихий, довольный смешок.

— Вот дурак щенок... Сам себя спалил.

К тому моменту, когда шаги незнакомца стихли, поляна вокруг амбара уже гудела расстроенным ульем. Люди бежали кто с ведрами, кто с мокрыми воловьими шкурами. Сквозь дым и туман мелькали факелы. Рев огня пытался перекрыть гул толпы.

Волк и Валес первыми проломили живую цепь зевак. Они работали вместе — плечом к плечу, передавая друг другу бадьи с водой из общего колодца, забыв о белом камне и вражде ради спасения «общака».

Игорь отшатнулся от ворот, словно чужие сапоги за досками могли дотянуться и схватить его. В ушах стоял тяжелый, довольный смешок незнакомца. Он не выбежал на поляну. Не бросился к брату. Страх перед всеобщим порицанием

— «сам же поджег», «опозорил род» — оказался сильнее страха смерти. Он развернулся и, пошатываясь, побрел вглубь горящего амбара, в самый дальний угол за ларями с солью. Здесь дым висел уже сплошной, удушливой пеленой.

— Умру как собака, — прохрипел Игорь, оседая на земляной пол.

— Сам себя спалив... Зато брата спас. И семью от их ножа.

Это была страшная, горькая правда. Если он сейчас выйдет оттуда обгоревшим безумцем, старейшины увидят лишь труса, который ради спасения одного человека сжег хлеб всей деревни. Волка закидают камнями еще до того, как заговорщики достанут свои ножи. А так... смерть в огне искупает вину. Это просто несчастный случай. Глупый мальчишка уснул с лучиной. Брат чист перед общиной.

Дым запечатывал легкие плотной, горячей пробкой. Каждый вдох раздирал горло изнутри. Голова стала пустой и легкой. Перед глазами поплыли красные круги, сменяющиеся густой чернотой. Боль от ожогов отступила, сменившись странным, ватным теплом. Игорь завалился набок, прижимая к лицу мокрый рукав собственной рубахи, пытаясь поймать хоть каплю воздуха, но ткань только обжигала ноздри запахом гари. Сознание начало медленно погружаться в багровую муть.

Вдруг сквозь эту полуобморочную пелену он почувствовал резкий рывок. Чьи-то руки грубо впились ему под мышки, отрывая от земли. Тяжелое, хриплое дыхание совсем рядом. Игоря поволокло назад, к выходу, через завалы из тлеющих шкур и рухнувших балок. Он даже не смог сопротивляться. Тело превратилось в безвольную куклу. Пальцы лишь слабо царапнули по раскаленному дереву ларя. Мир сузился до двух ощущений: невыносимого жара снаружи и ледяного холода чужой хватки.

Его выволокли сквозь ревущее пламя прямо на утреннюю улицу.

Глава 2. "Царевич"

В гриднице князя Святослава стоял густой, осязаемый дух: хмельной мед, жареная веприatina и кислый запах немывших тел, который не могли перебить даже приторные греческие благовония Ярополка. В спертom воздухе висел сизый чад от сальных факелов, оседая жирной копотью на бородах бояр.

Святослав сидел во главе дубового стола на высоком кресле, похожем на погребальный трон. Он пил вино из тяжелой серебряной чаши византийской работы — жадно, проливая густые красные капли на седую бороду. По левую руку от него сидел Олег. По правую — Ярополк. Золотая середина рода. Закон.

Владимир стоял у каменной колонны в тени. На нем была простая рубаха тонкого льна без единого золотого шитья — слишком бедная для княжьего сына, но слишком чистая для слуги. Место ему было отведено здесь, в сумраке, среди младших дружинников и музыкантов-дудочников. Тень отца, которую никто не звал под свет факелов. Пальцы сами собой теребили дешевый костяной оберег на шее — последний подарок матери.

— За удачу! — рявкнул Олег, поднимая тяжелый турий рог. С его губ сорвались алые брызги вина.

— Не за победу. Победа любит порядок, а мы идем брать лесных людей. Там нет порядка, там только топи да волчьи ямы. Нам нужна удача, братья! Он ударил кулаком по столу так, что подпрыгнули пустые братины. Через три дня их дружина выступает к устью Перьмы. Олег уже видел себя победителем, тем, кто принесет отцу голову вожака болотных дикарей.

Ярополк поморщился, промокая губы краем дорогого шелкового платка.

— Удача пьянит дурнее меда, братец, — ровным голосом произнес он.

— От твоего рева осыпается позолота с колонн. А казна пустеет быстрее, чем ты успеваешь занести меч над головой врага. Война стоит дорого. Торговля приносит золото тихо. Зачем нам жечь лесную деревню ради десятка собольих шкур? Посади туда своего тиуна, пусть берет оброк бобрами.

Святослав медленно опустил чашу. Звук дерева о камень прозвучал как удар набата. В наступившей тишине стало слышно, как трещат дрова в очаге и жалобно попискивает мышь под половицей.

— Вы оба слепцы, — голос царя был тяжелым, как могильная плита.

— Ты, Ярополк, считаешь монеты, забыв, что их защищают кровью. А ты, Олег, ломаешь черепа, не думая, кому достанется эта земля, когда твоя кровь впитается в неё.

Олег вскинулся первым. Его лицо, обожженное степным солнцем и покрытое сеткой свежих шрамов у виска — памятью о хазарской стреле, — исказилось от ярости. Он перегнулся через стол, нависая над братом. От него пахло конским потом, железом и диким медом.

— Считать шкуры будешь, когда глаза выцветут! — рявкнул Олег, и его рука сама собой легла на рукоять меча. Костяшки пальцев побелели.

— Лесные люди понимают только железо. Мы придем туда через три дня. Мои гридни пройдут по их тропам так же легко, как кабан проходит сквозь камыш. Мы сожжем их гнилые землянки, перебьем мужчин, которые посмеют схватиться за рогатины, а баб и девок уведем на торг. Это язык силы. После этого весь лес до самой Камы будет знать: с князем не торгуются. Ему платят страхом. Он говорил это с упоением, почти ласково. Для Олега война была единственным естественным состоянием мира. Кровь для него была просто смазкой для клинка.

Ярополк даже не дрогнул под этим напором. Он лишь чуть приподнял бровь, глядя на брата с холодным сожалением, будто наблюдает за беснующимся зверем.

— Если ты убьешь всех мужчин, кто повезет меха в Город? — негромко спросил он.

— Если ты заберешь женщин, кто выделает эти шкуры к зиме? Страх быстро тухнет, братец. На нем нельзя строить казну. Страх нужно продавать другим князьям, а своим людям нужна надежда... или хотя бы понятный налог. Ярополк взял со стола серебряную византийскую монету, повертел её между пальцами, ловя блики огня.

— Я предлагаю иное. Мы придем к ним не с огнем, а с весами. Их старцы мудры, они видят, что лед становится тоньше, а пушной зверь уходит севернее. Им нужны соль, которой нет в болотах, и защита от людей Кришы, которые режут их охотников ради забавы. Мы предложим им закон. Наш щит в обмен на их серебро. Они станут платить урок — строго, но честно. И каждый год мы будем получать полные лоды бобра, не потеряв ни одного дружинника в топах. Это язык выгоды. После этого они сами будут следить, чтобы твои разбойники не заходили на их территорию.

Олег зарычал. Он вскочил на ноги, опрокидывая лавку. Дерево с треском рухнуло на пол, расплескав остатки мясной похлебки прямо на сафьяновые сапоги ближнего боярина.

— Закон?! — взревел он, обнажая зубы.

— Какой закон защитит нас, когда из чащи вылетит сулица? Твоя выгода умрет в первой же засаде! Эти волчата плюют на твои договоры. Они живут тем, что отнимают. Чтобы победить волка, нужен другой волк! Он сорвал с пояса тяжелую боевую секиру с широким лезвием и с размаху всадил её глубоко в дубовую столешницу прямо между своей пустой чашей и чашей Ярополка.

Лезвие вошло в дерево с глухим хрустом, расколов пополам серебряную тарелку с моченой брусникой. Полетели щепки и красные брызги ягод. Остро запахло свежей древесиной и кислой брагой.

В гриднице повисла такая тишина, что стало слышно, как тяжело дышит Олег и потрескивают факелы на стенах. Смех умер мгновенно. Дудочники оборвали мелодию на высокой ноте, словно сами испугались звука собственного инструмента, и нырнули под край длинного стола, путаясь в своих гусях. Гости застыли: кто-то так и не донес кусок вепрятины до рта, у кого-то замерла рука с братиной — хмельной мед тонкой струйкой полился на грязные доски пола.

Ярополк медленно вытер пальцы о льняную салфетку. Он не вздрогнул от удара стали по дереву. Его движение было плавным, почти ленивым, но именно эта неторопливость напугала зал больше, чем крик Олега. Законный наследник поднялся во весь свой огромный рост. Если Олег был поджарым степным волком, то Ярополк напоминал матерого лесного медведя-шатуна, вставшего на задние лапы. Он был широк в плечах настолько, что казался квадратным; дорогая соболя шуба делала его фигуру еще массивнее, превращая человека в живую гору меха и мышц. В тесноте дубовых скамей он выглядел неуместно, слишком велик для этого зала.

Его правая рука легла на рукоять собственного топора. Это была не легкая боевая секира Олега, а тяжелый двуручный франкский бродэкс с широким лезвием в виде полумесяца, способный разом срубить голову коню вместе со всадником. Рукоять из темного ясеня затрещала, когда длинные пальцы Ярополка стиснули её.

— Ты забылся, брат, — голос Ярополка прозвучал негромко, но густой бас прокатился по всей гриднице, перекрыв шепоток страха. Он сделал шаг вперед, выходя из-за стола. Дубовые половицы прогнулись под его весом. Братья стояли друг напротив друга, разделенные дубовым столом и воткнутой секирой. Воздух между ними дрожал от ненависти. Олег скалился, как волк перед прыжком, его пальцы нервно поглаживали лезвие застрявшего топора. Ярополк не скалился — он просто смотрел сверху вниз темными, непроницаемыми глазами убийцы, и в этом спокойствии было куда больше угрозы.

Словно по беззвучной команде, лавки с грохотом полетели на пол. Люди братьев обнажили свои клинки. Дружинники Олега — лесные хмурые люди в кожаных панцирях, пахну-

щие дымом, — выхватили короткие тяжелые мечи и засапожные ножи. По другую сторону стола сверкнула дорогая сталь: ближняя дружина Ярополка, закованная в чешую и кольчугу, выставила вперед длинные варяжские мечи и широкие щиты-капли. Десятки воинов замерли в полуприседе, готовые ринуться через столы. Седобородый воевода Путята, стоявший позади трона, незаметно положил ладонь на навершие своего меча, готовый исполнить волю государя. Каждый был готов умереть за своего князя прямо сейчас, среди обглоданных костей и пролитого меда. Князь Святослав не поднимался с трона. Его старое тело внезапно стало каменным, а взгляд — острее византийской стали. Царь едва заметно кивнул — почти незаметно для других, но Олег уловил это движение. «Он мне больше не нужен, — читалось в этом кивке. — Если ты сломаешь ему хребет или выпустишь кишки здесь, я назову это уроком почтения». Рождение Владимира всегда казалось старому князю досадной ошибкой, пятном на чести рода, которое пора стереть.

— В ножны! — голос царя ударил по гриднице хлыстом. Громко, пронзительно, так, что задрожали слюдяные окна. — По местам! Пока я дышу, только мой меч имеет здесь силу и слово!

Слово Царя действовало на дружину сильнее любого приказа воевод. Звенящая ярость схлынула, сменившись привычным животным страхом перед гневом господина. Люди Ярополка первыми опустили клинки, глухо щелкнув металлом о перевязи. Лесные головорезы Олега помедлили секунду дольше, их пальцы побелели на рукоятях, но дисциплина предков взяла верх. Они отступили, освобождая проход.

Олег дернул рукоять. Затрещало дерево столешницы, посыпалась щепа вперемешку с каплями брусники. Лезвие вышло из дуба с влажным сосущим звуком, оставив после себя дымящуюся черную рану. Он закинул секиру на плечо, словно это была простая палка, и, расталкивая своих же людей широким плечом, пошел прочь. Не к выходу, где стояли слуги, а напрямую сквозь толпу притихших бояр, заставляя их вжиматься в стены. За ним молчаливой, темной тенью двинулась его дружина, волками протискиваясь между гостями. Идя мимо толпы, Олег заметил Владимира. Кровь еще стучала в висках от публичного унижения перед отцом и старцами, а ярость требовала выхода. Желание размазать кого-то по стене стало почти невыносимым. И тут он увидел младшего брата — прямую мишень.

Олег остановился так резко, что шедший за ним дружинник едва не налетел на его спину. Князь медленно повернул голову. На разбитых губах расцвела хищная, предвкушающая усмешка.

— Смотрите-ка... — протянул Олег, и его голос разнесся по притихшей гриднице ядовитым шелестом.

— Кого я вижу. Выблядок греется у трона? Он сделал шаг к Владимиру, намеренно перекрывая ему путь к отступлению. Толпа бояр испуганно подалась назад, образуя живой круг для зрелища. Кто-то из купцов истово перекрестился, ожидая крови.

— Может, ты нам скажешь, книжник? — Олег перехватил тяжелую секиру обеими руками, играючи крутанув ее в воздухе. Древко со свистом рассекло душный воздух.

— Как лучше поступить с лесными племенами? Вырезать их до седьмого колена, как велит честь воина, или милостыню просить у болотных жаб, как хочет твой любимый братец?

Владимир был не из робкого десятка. Тяжелое детство незаконнорожденного сына царя, над которым открыто издевались все — от боярских отпрысков до кухонной челяди, — закалило его характер лучше каленой стали. Он привык сносить плевки, глотать обиду и ждать своего часа в тени. Но в этот раз он решил промолчать по иной причине: он просто не хотел конфликта здесь и сейчас. Не перед лицом отца, который едва держится на ногах. Однако слова Олега заделали незаживающую рану. Перед внутренним взором на долю секунды встало лицо Малуши — не заплаканное лицо ключницы, а смеющиеся глаза женщины, которая тайком приносила ему теплую лепешку в холодный подклет.

— Ступай, брат, — ровно ответил Владимир, глядя поверх плеча Олега. Голос его звучал глухо, но без дрожи.

— Тебе скоро выступать. Поход будет трудным, тебе нужен отдых.

Олег замер. На секунду хищная усмешка сползла с его лица, сменившись недоумением. Никто не смел указывать ему, князю крови, что делать. А уж тем более бастард, которому место в псарне.

— Ты смеешь мне *указывать*, ублюдок? — прошипел Олег. Его голос стал низким, вибрирующим от ярости. Он шагнул вплотную, нависая над Владимиром горой мышц и грязного льна. Секира опустилась ниже, почти коснувшись лезвием макушки младшего брата. Олег упиался моментом, желая растоптать его прилюдно, заставить скулить у своих ног. В каждом слове он вбивал гвоздь в статус Владимира.

— Или твоя мамаша-шлюха забыла научить тебя служить царям? Служить *мне*?

Для Владимира это стало точкой кипения. Мать была единственным человеком в этом холодном каменном мешке, кто дарил ему любовь. Малуша, ключница княгини Ольги. Рабыня, чей статус позволял всем считать Владимира пустым местом. Услышать грязный намек на её ложе из пасти пьяного брата означало потерять лицо навсегда. Это было хуже смерти. Мир сузился до красной пелены. Холодный расчет исчез. Остался только зверь, которого слишком долго держали на цепи. Не раздумывая ни секунды, Владимир ударил первым — не мечом, а телом. Он всем весом врезался в Олега, отталкивая его от себя прочь из живого круга боя. Князь, не ожидавший такой дерзкой наглости от младшего, пошатнулся и сделал тяжелый шаг назад, чтобы удержать равновесие. Следующим движением кулак Владимира с сухим треском врезался прямо в лицо брата. Удар пришелся точно в переносицу. Олег взревел скорее от ярости, чем от боли; хмельная кровь брызнула на дорогую парчу его рубахи. Он отшагнул вбок, тряхнул головой, размазал тыльной стороной ладони кровь по губе и посмотрел на Владимира уже без усмешки — с первобытным желанием убивать.

Дружинники Олега, стоявшие за спиной княжича, глухо зарычали. Десятки рук одновременно легли на рукояти мечей и топоров. Еще мгновение — и они бы разорвали бастарда на куски прямо у ног царя. Но Олег вскинул окровавленную ладонь вперед.

— Стоять! — рявкнул он так, что дрогнули факелы.

— Это мой спор! Воины замерли, но не отступили, превратившись в живую стену. Жир с их кожаных панцирей остро вонял в духоте залы. Олег перевел взгляд с лица брата на высокий трон отца. Взгляд Святослава оставался мутным, воспаленным, но теперь в нем плескалось темное, мрачное одобрение.

Усмешка вернулась на лицо Олега, но теперь она была страшной — оскалом хищника, которому дали разрешение на травлю.

— Что ж... — протянул он, медленно вытягивая свой длинный варяжский клинок из ножен. Сталь зазвенела о кожу, издавая низкий, голодный звук.

— Раз отец позволяет...

Владимир ответил мгновенно. Короткий франкский меч со свистом покинул свои ножны. Лязг стали о сталь взорвал тишину быстрее, чем успели закричать старейшины.

Бой начался.

Владимир ростом был меньше своих братьев, но по силе ничуть им не уступал. Его тело было суше, жилистее — сложено не для того, чтобы носить тяжелые доспехи в парадном строю, а для выживания. Тренироваться ему приходилось тайно, с самого рассвета до темноты, со своим дядькой Добрыней. Воевода, прошедший сотни сеч, лучший мечник царя, выбивал из племянника дурь и учил главному: хитрости. Там, где Олег полагался на вес секиры и грубую мощь, Владимир двигался как вода. В отличие от Ярополка, просиживающего штаны над свитками, Владимир не меньше Олега бывал в настоящих битвах — в жестоких стычках на северных границах, где варяги резались с чудью стенка на стенку. Он знал вкус чужой крови

и боль сломанных ребер. И сейчас Владимир ничуть не испугался. Левая нога предательски скользнула по липкому от пролитого меда полу, но он успел перенести вес, удержав баланс.

Олег обрушил сверху сокрушительный вертикальный удар, вкладывая в него всю массу своего огромного тела. Земля содрогнулась там, куда вошло лезвие варяжского клинка, высекая снопы искр из каменных плит пола. Князь рассчитывал просто располовинить бастарда вместе со щитом или вбить его в пол по пояс. Но Владимира там уже не было. Он скользнул под руку брата, уходя вправо так низко, что колено едва не коснулось земли. Просвистевший мимо воздух взъерошил его волосы. Не выпрямляясь, Владимир нанес быстрый, жалящий укол снизу вверх — в бедро, под кольчужную юбку. Сталь вошла легко, разрывая плоть. Олег взревел скорее от ярости, чем от боли, и крутанулся на месте, пытаясь достать младшего обратным широким махом. Владимиру пришлось бросить щит. Тяжелый деревянный диск отлетел в сторону, сбив по пути глиняную братину, когда он перекатом ушел через плечо назад, разорвав дистанцию. Гридница наполнилась тяжелым дыханием князей и звоном сталкивающейся стали. Они кружили между перевернутых лавок и разбитой посуды. Запах свежего мяса смешался с острым ароматом железа. Владимир чувствовал, как горячий пот щиплет порез на скуле, оставленный случайной щепкой.

Олег пошел напролом. Он рубил без изысков — справа, слева, снова справа, превращая свой клинок в стальную мельницу. Он давил массой, заставляя Владимира отступать шаг за шагом к стене, зажимая в угол. Казалось, еще немного, и бешеный бык просто сомнет более легкого противника.

— Сдохни! — прохрипел Олег, замахиваясь для удара, который должен был расколоть череп.

Владимир позволил себе качнуться назад, почти касаясь спиной бревен стены. В глазах бояр это выглядело как отчаяние. Но вместо того чтобы заблокировать удар, он резко упал на спину, прямо в осколки глиняной посуды, подтянув колени к груди. Лезвие варяжского меча с влажным хрустом вонзилось в дерево стены в дюйме от его лица, глубоко завязнув в дубе. Раздался громкий треск рвущихся волокон. На миг Олег оказался открыт. Он попытался выдержать оружие, уперевшись ногой в стену, но застрял намертво. Пот ручьями тек по его багровому лицу.

Владимир не стал терять этот шанс. Из положения лежа он выстрелил телом вперед, как пружина. Это был прием Добрыни — «волчий бросок». Он врезался плечом князю в солнечное сплетение, используя инерцию падения. Огромный Олег потерял равновесие и рухнул навзничь, увлекая за собой бастарда. Тяжелый меч остался торчать в стене, мелко подрагивая. Они покатались по полу, среди луж пролитого меда, рассыпанной крупы и объедков. Владимир оказался сверху. Он не пытался фехтовать в партере. Вместо этого он выпустил рукоять своего короткого меча, перехватил запястье правой руки Олега, которой тот тянулся к засапожному ножу, и заломил её с такой силой, что затрещали связки.левой рукой Владимир прижал горло брата к грязному полу, уперев костяшки пальцев в кадык.

Олег захрипел, лицо его побагровело. Он бился под Владимиром, как пойманный медведь, пытаясь сбросить его весом, но младший брат сидел на нем плотно, используя каждую унцию веса, вбитую Добрыней в его мышцы. Владимир чувствовал кожей живота горячую мокрую ткань штанов Олега — кровь из раны на бедре пропитала портки насквозь.

Владимир медленно наклонился. Свободной рукой он вытащил свой франкский клинок из-под себя — лезвие было покрыто липким слоем медовой браги и пыли. Он приставил острие холодного металла прямо к горлу Олега, чуть ниже челюсти. Легкое нажатие — и князь истечет кровью прямо здесь, на пиру отца.

Тишина стала абсолютной. Было слышно только тяжелое сопение дружинников, натужный хрип придавленного Олега и треск факелов. Бой закончился. Бастард стоял над законным наследником, готовый убить его по праву сильного. Боярин Путята за тронем судорожно сглот-

нул, делая крошечный полушаг вперед, но рука Святослава, лежавшая на посохе, не шевельнулась. Старый царь ждал.

Глава 3. "Спасение хуже смерти"

Свежий воздух ударил по легким подобно молоту. Игорь надрывно закашлялся, выплевывая черные хлопья сажи вперемешку с желчью, пытаясь вдохнуть хоть каплю кислорода, не отравленного гарью. Мир вокруг состоял из серого тумана и оглушительного треска рушащихся балок.

Чьи-то руки – жесткие, как дубовая кора, – подхватили его под мышки и рывком выдернули из ревающего жерла амбара прямо в ледяную утреннюю росу улицы. Игоря затрясло крупной дрожью: жар обожженного лица столкнулся с морозом мокрой одежды. Тело превратилось в безвольную куклу. Пальцы лишь слабо царапнули по раскаленному дереву ларя на прощание.

Он заставил себя приоткрыть глаза, чтобы увидеть лицо того, кто рискнул войти в огонь ради него. Сквозь пелену слез и копоти он разглядел силуэт. Спаситель был высок, невероятно худ, словно высушенная ветром сосна. На нем была странная одежда из выделанной кожи, прошитая жилами крест-накрест. Но Игоря зацепила борода – длинная, редкая, заплетенная в толстую смоляную косу, перехваченную медным кольцом.

«Так у нас не делают», – пронеслась в голове отстраненная, чужая мысль прежде, чем боль окончательно взяла свое.

Огонь, бесновавшийся за спиной спасителя, полыхнул особенно яростно. Волна жара, способная плавить железо, ударила Игорю в лицо. Опаленные брови мгновенно съежились, ресницы исчезли. Боль от ожога ослепила его. Мир вспыхнул белым пламенем и тут же погас.

Игорь обмяк, проваливаясь в глухую, звенящую темноту. Последнее, что зафиксировало угасающее сознание – это резкий запах: смесь горелой смолы, мокрой псины и чего-то кислого, чужого, пахнущего далекими степями и конским потом, а не родным лесом. Затем мир сузился до двух ощущений: невыносимого жара снаружи и ледяного холода чужой хватки. Его поволокли прочь от пожара, навстречу чему-то гораздо более страшному, чем смерть в огне.

Поздняя ночь окутала поселение лесных людей непроглядным саваном. Луны не было – небо затянуло низкими тучами, пахнущими гарью и близким ледяным дождем. В этой крошечной тьме единственным источником света был гибнущий амбар. Он пылал, как исполинский погребальный костер, выхватывая из мрака искаженные ужасом лица общинников и превращая летящий пепел в черный снег.

Поляна жила истерикой. Сонная деревня, поднятая по набату, металась в панике. Мужики с безумными глазами рубили горящие стропила тяжелыми топорами-дроворубами, пытаясь обрушить крышу до того, как рухнут стены. Они работали почти вслепую, ориентируясь лишь на жар, обжигая руки о раскаленное дерево. Бабы и девки, босые и простоволосые, таскали воду кожаными ведрами из черной реки, спотыкаясь в грязи, роняя ношу и тут же поднимаясь под ругань соседей. Детский плач тонул в треске пламени и надсадном кашле задыхающихся мужчин.

Волк стоял в самом сердце этого ада. Здесь не было правителей со стороны; здесь правили Старшие – самые опытные охотники и воины, чей авторитет держался только на уважении и силе. Но сейчас Волк возвышался над всеми. Его лицо казалось высеченным из камня: черное от копоти, освещенное снизу багровым светом огня. Правая рука висела плетью, замотанная в обгоревшую тряпицу, но он словно не замечал боли. Он работал сам, плечом к плечу со своими людьми, раскачивая тяжеленую слегу, которой пытались пробить кровлю, чтобы выпустить столб жара вверх.

И вдруг сквозь рев пламени прорвался новый звук – резкий, влажный хруст. Задняя стена амбара, прогнившая от старых дождей, не выдержала веса пылающих бревен и обвали-

лась внутрь. На головы стоящих посыпались искры и куски горящего торфа. Жар стал невыносимым, заставляя людей отступить на десяток шагов назад, закрывая лица руками.

Но это стало спасением. Огонь, лишенный опоры крыши и жадно пожравший внутреннее зерно, начал захлебываться. Поднявшийся внезапно холодный ветер погнал дым вдоль земли. Рев пламени сменился низким, утробным шипением. Люди поняли это раньше, чем увидели: угроза миновала. Амбар мертв, но деревня жива.

Медленно, один за другим, лесные люди опускали свои ведра и топоры. Тишина наступала оглушающая, прерываемая лишь стонами обожженных да воем ветра в голых ветвях елей. Поляна погрузилась во мрак – свет остался только от тускло тлеющих углей внутри остова строения.

Волк тяжело выдохнул, опуская слегу прямо в грязь. Плечо под мокрой повязкой пульсировало тупой болью. Он молча шагнул к дверному проему сгоревшей клетки. Переступил через порог, хрустя сапогами по стеклянистому пеплу. Внутри воняло горелым зерном, паленой шерстью и сыростью.

Он опустился на одно колено прямо в лужу грязной воды, натекающей при тушении. Пошарил рукой в золе там, где должен был находиться массивный замок его собственной работы. Железо должно было быть раскаленным, но пальцы обожгло мертвенным холодом металла.

Волк выдернул находку из пепла, очистил от сажи и поднес к глазам. Замок лежал на его ладони. Целый корпус, крепкие заклепки... но пудовая стальная дужка была перерублена одним точным ударом секиры так чисто, что металл блестел свежим срезом даже в темноте.

– Дверь была заперта изнутри на дубовый брус, – голос Волка стал низким, вибрирующим от ярости, которая сейчас была холоднее льда.

Он резко обернулся. У входа, среди теней, переминался с ноги на ногу Дозорный – молодой парень с нашитой на рубаху волчьей лапой, знак ночной стражи.

– Ты стоял на северном склоне? – прорычал Волк, поднимаясь во весь рост. От него исходил такой жар, что дозорному пришлось отступить на шаг.

– Кто подходил к клетке после того, как мы пошли на белый камень?

– Никто, старшой! – выпалил парень, бледнея. – Клянусь когтем... Я обходил круг. Там никого не было! –

Ложь, – отрезал вожак. Он разжал кулак, показывая ровный срез стали.

– Эту сталь грызли не наши зубила. Это чужое железо. Ищи Луку. Дозорный сглотнул так громко, что этот звук был слышен даже сквозь треск остывающего дерева. Не смея перечить или задавать вопросы, он со страхом метнулся в толпу, расталкивая мокрых от воды общинников и исчезая в темноте между шалашами.

Волк проводил его тяжелым взглядом, затем снова сжал изуродованный замок в ладони. Металл еще хранил тепло пожара, но это не успокаивало. Он развернулся и медленно пошел обратно к черному провалу амбара. Он двигался тяжело, припадая на одну ногу – ожог давал о себе знать. Волк вошел внутрь сгоревшей клетки один, согнувшись под низкой притолокой. Люди видели лишь его черный силуэт на фоне тлеющих углей. Он шарил руками в золе, переворачивал обугленные доски ларей, принюхивался к воздуху, пытаясь уловить запах пота незваных гостей среди едкой вони гари. Но огонь стер все следы лучше любой метлы. Чужаки не оставили ничего, кроме пустоты.

Когда он вышел наружу, сжимая в руке только горсть черного пепла, тишина встретила его совсем иначе. Если во время битвы с огнем люди работали единым механизмом, то теперь община распалась на отдельные, шепчущиеся островки. Надежда спасти запасы умерла вместе с последними искрами, и на смену ей пришел холодный липкий страх голодной зимы.

Старейшины качали седыми головами, опираясь на свои клюки. Их лица были скрыты тенями, но голоса звучали глухо и осуждающе: –

Замок перекушен... – Хороший защитник должен быть крепостью для своих людей. А если воин спит, когда режут стадо, какая от него польза?

– С таким претендентом нас первый же мороз доконает. Белый камень ему сегодня отказал, а зима откажет в хлебе.

Женщины, забыв про усталость, прижимали к себе ревущих детей. Слезы прочерчивали светлые дорожки по их закопченным лицам. Они смотрели на дымящиеся руины, где еще час назад лежала еда на всю долгую зиму, и горе их было тихим, животным. Одна из старух заголосила в голос, раскачиваясь из стороны в сторону:

– Ой, детушки... Чем я вас кормить стану? Корой березовой? Где ж оно видано, чтобы у лесных людей хлеб крали прямо из-под носа!

Шепотки сливались в единый тревожный гул, похожий на шум ветра перед бурей. Страх всегда ищет виноватого, и сейчас вся вина ложилась на широкие плечи стоящего посреди двора Волка. Он чувствовал эти взгляды спиной – колющие, тяжелые, полные разочарования. Еще вчера они шли за ним в любую топь, веря в его удачу, а сегодня увидели лишь человека, чей дом сожгли. Один из старцев с лицом, покрытым глубокими морщинами, шагнул вперед, опираясь на посох из черного дуба. Его голос прозвучал хрипло, но властно, перекрывая ропот толпы:

– Выборы на белом камне переносятся до выяснения обстоятельств. Пока мы не узнаем, чье железо перерубило замок, никто не назовет себя хозяином этой земли. Расходитесь!

Слово старейшин упало как камень в воду. Толпа замерла на мгновение, переваривая услышанное, а затем пришла в движение. Люди начали медленно расходиться – понуро, устало, уводя плачущих детей к остывающим землянкам. Праздник выбора превратился в похороны их сытой зимы.

Волк стоял неподвижно, провожая взглядом сторбленные спины общинников. Дым ел глаза, плечо пульсировало тупой болью. Он проиграл эту ночь без боя. Внезапно подкатившая к горлу тошнота едва не свалила его с ног – спазм голода. Зима уже стояла у порога, скалясь беззубым ртом.

Именно в этот момент, когда толпа начала редеть, обнажая черную, вытопанную землю поляны, Волк заметил движение возле группы Валеса. К нему быстрым шагом подошел один из его слуг. Он наклонился к самому уху господина и что-то прошептал так быстро, что слова растворились в ночном воздухе.

Валес не изменился в лице. Ни торжества, ни удивления – лишь едва заметный кивок. Это было страшнее любого крика. Не сказав ни слова Старшим или Волку, даже не взглянув на догорающий амбар, они развернулись одновременно. Слуга занял место чуть позади хозяина. Они двинулись прочь.

Волк проводил их тяжелым взглядом. Инстинкт охотника кричал: проследи. Узнай, куда ведет этот тайный путь в ночи, пока следы еще горячи. Он уже сделал полшага следом, намереваясь скользнуть в тень ольшаника бесшумной тенью...

– Старшой! Резкий окрик заставил его замерить и резко обернуться. К нему подбежал Дозорный – тот самый парень с волчьей лапой на рубaxe. Лицо дозорного было бледным от бега и страха, грудь тяжело вздымалась.

– Лука... Его нигде нет.

Волк нахмурился:

– Как это «нет»? Среди дыма задохнулся? –

Нет! Мы обшарили всё! – выпалил парень.

– На белом камне его не видели, старейшины говорят, он стоял с самого края. В землянке пусто. Никто из тех, кто таскал воду к амбару, его тоже не помнит. Он просто... исчез. Растворился, как только огонь занялся.

Исчез. Слово идеально подходило этой ночи, которая глотала звуки и людей.

Волк отпустил дозорного легким кивком. Преследовать Валеса вслепую через бурелом – верная смерть даже для него. Лес сейчас принадлежал тьме. Он чувствовал это кожей: тяжелый, сырой запах болота полз вниз по склону, гася последние искры пожара.

Он посмотрел на свои ладони. Они были черными. Вся его жизнь, все труды последних лет превратились в этот уголь. Позади слышался робкий шепот общинников, расходящихся по землянкам. Страх всегда ищет щель, чтобы пролезть внутрь.

Волк сделал шаг назад, в круг света от углей. И замер. На черной земле, прямо на границе выжженного пятна, лежало что-то маленькое и светлое. Перышко сойки. Оно выглядело слишком чистым для места, где только что плясало пламя.

Волк медленно присел. Перо было воткнуто в землю вертикально, словно игла. Рядом виднелся четкий отпечаток каблука с медной набойкой. Отпечаток смотрел *в сторону* деревни. Кто-то стоял здесь, наблюдая за пожаром, когда всё закончилось. Стоял совсем недавно, когда дым уже начал рассеиваться. По спине пробежал мороз, не имеющий отношения к ночной прохладе. Это была метка. Насмешка. Огонь погас. Охота только начиналась.

– Старшой... – снова подал голос дозорный, ежась под этим взглядом.

– Люди валяются с ног. Нужно развести костры у землянок...

Волк заставил себя выпрямиться. Сейчас он был нужен деревне живым, а не мертвым героем, замерзшим в болоте в погоне за призраком.

– Костры жечь до рассвета, – хрипло бросил он.

– Дозоры удвоить. Никого не впускать и не выпускать без моего слова. А я пойду посчитаю наши потери.

Он развернулся и пошел к своей землянке тяжелой походкой раненого зверя. Но прежде чем скрыться в темноте входа, он обернулся еще раз. Лес молчал, скрывая свои тайны. «Спи пока, братец Валес, – подумал Волк, стискивая кулаки так, что ногти впились в ладонь. – До рассвета осталось недолго».

Валес со своим слугой шли по лесу, пробираясь через густые заросли ольшаника и цепкого можжевельника. Здесь не было троп – только черная, чавкающая под ногами земля да лапы вековых елей, роняющие на головы холодную росу. В лесу слышны были только тоскливый вой волков где-то вдалеке да тревожный треск разбуженных птиц в кронах. Ни голосов людей, ни лая собак.

Валес никогда не отличался смелостью в бою, в отличие от своего троюродного брата Волка, но всегда отличался хитростью и умом. Пока Волк защищал поселение от врагов мечом, принимая удары на себя, Валес торговался с купцами из-за реки и добывал для поселения припасы без единого пролития крови. Именно поэтому их двоих и выдвинули Старшие на белый камень: один был щитом общины, другой – её разумом. Но сегодня ночью щит раскололся, а разум показал зубы. *«Лука обещал мне власть без риска, – думал Валес, оскальзываясь на гнилом корневище. – "Брат сгорит в собственном доме, а ты выйдешь к народу утешителем". Что ж, свою часть сделки старый бортник выполнил».*

– Долго идти! Грузно! – рявкнул Валес своему слуге, оступившись о скрытый во мху корень. Парень тут же метнулся вперед, раздвигая гибкие ветви руками, словно живой таран.

– Уже близко, хозяин, – пропыхтел он, обливаясь потом.

– За тем оврагом будет суше.

Они выбрались из сырой низины, перебравшись через поваленную сосну. Впереди открылся крутой склон глубокого оврага, на дне которого шумела невидимая вода. Подъем дался тяжело, бархатные сапоги Валеса скользили по глине, и ему пришлось хвататься за руку слуги – унижение, которое он стерпел молча ради скрытности.

Выбравшись наверх, они оказались на краю становища. Это была не просто стоянка лесных бродяг, а укрепленный лагерь. Поляна была заставлена пятью плотными кожаными палатками степного покроя. Между ними ходили около двух десятков вооруженных людей – все

как на подбор жилистые, с обветренными лицами чужаков. У большого костра жарилось мясо, пахло кислым кобыльим молоком и конским потом. Этого хватило бы, чтобы вырезать половину их поселения до того, как мужчины успеют схватиться за топоры.

«Странно, – промелькнула ядовитая мысль у Валеса, пока его глаза привыкали к свету факелов.

– Как мой братец Волк, великий воин лесных троп, не узнал об этом месте? Неужели его нос перестал чують чужаков?» Едва они переступили невидимую границу лагеря, из темноты между палатками бесшумно шагнули тени. Это произошло быстрее, чем Валес успел вдохнуть запах жареного мяса. Двое рослых воинов возникли по бокам так внезапно, что слуга едва не вскрикнул от неожиданности.

Холодное лезвие ножа жестко уперлось в кадык Валеса чуть ниже уха. Второй клинок – короткий и широкий тесак – прижался к горлу его спутника. Ни один мускул на лице Валеса не дрогнул, но внутри всё сжалось в ледяной комок. Он ожидал теплого приема, а получил волчий капкан.

– Кто такие? Куда несет степных псов в наш лес? – прорычал голос прямо над ухом. От воина пахло сырым мясом и медвежьим жиром.

Слуга испуганно дернулся, но Валес едва заметно качнул головой, приказывая стоять смирно. Свободной рукой он медленно, чтобы не спровоцировать удар ножом, полез за ворот кафтана. Вытащил тонкую полоску выделанной кожи. На ней был выжжен знак – вздыбленный конь, окруженный лучами солнца.

Лезвия чуть отодвинулись. Воин-часовой грубо выхватил повязку, поднес к глазам, осмотрел со всех сторон и коротко кивнул своим людям. Давление клинков исчезло так же мгновенно, как и появилось.

– Следуйте за мной, – буркнул старший караула.

– Руки держать на виду.

Их повели через весь лагерь напрямик к самой большой центральной палатке, стоявшей на небольшом возвышении. Полы тяжелого кожаного полога были откинуты, выпуская наружу желтый свет очага и густой запах кислого вина.

Зайдя внутрь, Валес сразу увидел Луку. Старый бортник сидел на грязных шкурах, скрестив ноги, и обжирался свежей дичью. Жир стекал по его бороде, пачкая некогда приличную рубаху. При виде господина Лука поперхнулся куском оленины, судорожно попытался спрятать кость за спину и неуклюже поклонился, расплескав брагу из чаши.

Но главным здесь было не это. В дальнем углу, куда почти не доставал свет очага, сидела девушка. Русская девка, полностью голая, если не считать широких кровоподтеков, покрывавших ее бедра и ребра, словно лиловые печати жестокости. Она куталась в одну лишь тонкую собачью шкуру, пытаясь прикрыться ею, но дрожь била ее так сильно, что ткань сползала. Ее шею охватывал грубый железный ошейник, намертво приклепанный к тяжелой цепи, которая тянулась к центральному столбу шатра. Глаза девушки были пустыми, лишенными всякого выражения – она смотрела сквозь вошедших, давно смирившись со своей участью вещи. Из тени, куда не доставал свет очага, раздался низкий, скрипучий голос:

– Нравится?

Валес медленно перевел взгляд. Из темноты выступил тот самый высокий и худой человек с бородой, заплетенной в длинную косу.

– Имя мое Ролло, а откуда я – тебе знать не стоит. Он двигался плавно, перетекая по палатке, как змея.

– Единственное, что нужно знать: я наемник. Кто мне больше заплатит, за того я и пойду. Твой друг Лука меня нашел, помощи попросил. Много крови хотел... – Ролло усмехнулся, обнажив желтые зубы.

– Но щенок твоего брата сделал всё за нас.

Он подошел к низкому деревянному сундуку в углу, накрытому тяжелой медвежьей шкурой. Одним движением ноги он отбросил крышку. Сундук был пуст внутри – если не считать человеческого тела.

Ролло рывком выволок наружу связанного Игоря. Парень был без сознания, голова безвольно мотнулась, ударившись о край сундука. На плече сквозь разорванную рубаху чернело пятно страшного ожога, пахло паленым мясом. Ветки глубоко впились в запястья, на бледном лице запеклась кровь из разбитой брови.

Валес смотрел на племянника без малейшего сострадания. Он видел лишь сломанную фигуру, лишние расходы на лечение и опасного свидетеля. Если мальчишка выживет и заговорит, родовое проклятие падет на них всех. Холодный расчет подсказывал: оставлять его нельзя. Но убить собственноручно... это оставляло слишком много следов.

– Ты хорошо платишь своим людям, Ролло? – ровно спросил Валес, переводя взгляд с Игоря на наемника.

– Или предпочитаешь платить трупами?

Глава 4. "Спасение хуже смерти"

Здесь не пахло гарью, кровью и мокрой псиной. Воздух гридницы был густым и тяжелым — смесь приторного греческого ладана, кислого меда, жареной вепрятины и человеческого пота десятков разгоряченных тел. Слюдяные окна почти не пропускали тусклый свет осеннего дня, поэтому зал тонул в дрожащем полумраке факелов, где золото кубков казалось жидким огнем.

Тишина стала абсолютной. Бой закончился в одно мгновение. Бастард стоял над законным наследником, готовый убить его по праву сильного. Люди Олега обнажили мечи. Дикие лесовики, пахнувшие кровью и лесом, они не ждали приказа — их пальцы уже легли на рукояти, готовые ринуться через столы и разорвать младшего брата за своего жоака.

Ярополк сидел неподвижно. Старшему брату было всё равно, чья кровь сейчас прольется на дубовые доски и кто из соперников умрет; для него это была лишь грызня двух младших щенков у его ног. Он медленно отрезал кусок вепрятины, глядя в свою тарелку с таким видом, будто шум потасовки ему мешает. Лишь желваки на скулах едва заметно дрогнули, выдавая глухое раздражение от испорченного пира.

Святослав молча наблюдал. Царь тяжело опирался на подлокотники, его воспаленные глаза следили за схваткой без тени удивления. Для старого волка драка сыновей у стола была привычным шумом ветра. Но когда лезвие Владимира коснулось кожи Олега, палец царя чуть заметно дрогнул.

Он сделал короткий, едва уловимый жест кистью руки в сторону колонны.

И тень шевельнулась. За спиной Владимира возник Добрыня.

Никто в княжестве не решился бы сразиться с ним в открытую. Добрыня был настоящим великаном, превосходящим ростом даже массивного Ярополка. Это была живая гора мышц, обтянутая кожей: широченная спина, способная закрыть солнце, и ручищи толщиной с ногу обычного мужчины. От воеводы исходила такая первобытная мощь, что дружинники обоих родов инстинктивно попятились. Он был дядькой Владимира, братом его матери Малуши, но боялись его все — от последнего холопа до князей. Добрыня занимал пост главного воеводы, и одно его присутствие здесь означало, что терпение царя иссякло.

Не говоря ни слова, он одной огромной лапищей схватил племянника за плечо и рывком отбросил за свою спину, как нашкодившего котенка. Владимир врезался в стол, сбивая братины, но устоял на ногах, тяжело дыша. Парча его кафтана затрещала, зацепившись за резной угол столешницы.

Люди Олега замерли с занесенными топорами. Наткнуться на нож бастарда — одно дело, но встать против Добрыни означало умереть на месте, даже не успев занести оружие. Лесные головорезы медленно опустили клинки, глухо ворча, словно побитые псы.

Святослав тяжело оперся о подлокотники своего кресла-трона. Кости старика ныли от холода и выпитого вина, но сейчас тишина давила на виски сильнее любого похмелья. Он встал одним рывком. Это было движение хищника, который слишком долго сидел неподвижно.

— Хватит, — голос царя прорезал гудящую залу. В нем не было крика, только смертельная усталость металла.

— Вы позорите мой дом. Своим дыханием.

Он обвел тяжелым взглядом всех троих. На Ярополка — брезгливо. На Олега — как на бешеного пса, которого пора пристрелить. На Владимира... там была лишь пустота.

— Выметайтесь все, — приказал царь, обращаясь ко всей зале.

— Пошли вон, пока я не велел заколотить двери снаружи вместе с вами.

Святослав подал короткий знак Добрыне пальцем. Воевода кивнул. Его фигура пришла в движение. Не говоря ни слова страже у дверей, он просто указал подбородком на выход.

Этого хватило. Стражники — здоровенные варяги из личной сотни Святослава — ожили. Они двинулись в толпу без церемоний: древками копий били по спинам музыкантов, сгоняя их с помоста; хватали за шиворы бояр, которые пытались остаться послушать развязку. Старейшины, забыв про свою важность, засеменили к выходу, пряча взгляды. Гридница стремительно пустела, оставляя внутри только царскую семью, братьев и тех, кто был готов умереть по их приказу.

Олег со своими людьми вышел последним. Но ушел он не сразу. На пороге он замер, медленно обернулся через плечо и встретился взглядом с Владимиром. Никто не произнес ни звука, но воздух в зале снова стал твердым как лед. Олег машинально слизнул кровь с разбитой губы, и этот влажный красный мазок в полумраке выглядел жутко. Это был взгляд человека, которому только что публично сломали хребет, и теперь он будет мстить ползком, если придется. Дверь захлопнулась, но эхо этой ненависти осталось висеть под сводами.

Добрыня дождался, пока шаги в коридоре стихнут, и шагнул из тени колонны к трону. Воевода навис над царем темной скалой.

— Нужно увозить мальчишку, — тихо пророкотал Добрыня, склонившись так низко, что слышал только царь.

— Прямо сейчас. Через задние ворота. Добрыня выпрямился. Его лицо искажилось тревогой. — Если не уехать сейчас, завтра мы увидим голову Владимира на пике посреди двора, — веско сказал воевода.

— Олег этого так не оставит. Одно дело — получить нож в драке, это честь для волка. Другое — стоять на коленях, когда твой же брат держит тебе нож у горла, а отец смотрит на это как на грязь под ногами. Для такого позора нет выкупа, царь. Только кровь. Люди Олега видели это. Дружинники Ярополка видели это. Сегодня ночью они будут пить за унижение моего племянника. Если мальчик останется в городе до рассвета, его найдут с перерезанным горлом. Святослав тяжело опустился обратно в кресло. Резкое движение отняло последние силы, и на мгновение лицо царя стало серым, как пепел. Добрыня остался стоять рядом, возвышаясь над ним несокрушимой стеной.

— Ты прав, старый пес, — наконец прохрипел Святослав, прикрывая воспаленные глаза узловатой ладонью.

— Как всегда прав.

Царь помолчал, собираясь с мыслями. Он любил всех своих сыновей: дикаря Олега за ярость, расчетливого Ярополка за ум, но этого младшего... этого бешеного звереныша он любил по-особому, видя в нем отражение своей собственной молодой свирепости. Болезнь точила кости изнутри, и царевичи это видели. Они уже не ждали смерти отца — они начали делить трон прямо у его постели, переступая через кровь еще до того, как она пролилась.

— Хорошо, — кивнул царь. — Забирай его. Увози из города. Куда?

Добрыня чуть склонил голову, голос его стал тише, доверительнее:

— В лес. К людям Волка. Это не хазары и не степняки, их нельзя покорить мечом — они просто живут там, где другие тонут в болотах. Свободный народ. Мой побратим Волк — один из сильнейших вожаков тех краев. На время можно спрятать мальчишку там. Лесной закон суров, чужаков они не любят, но слово держат крепко. Там ножей в спину от родни точно не будет.

Святослав долго смотрел на воеводу. Старые друзья понимали друг друга без слов. Они прошли вместе десяток походов, и не раз тяжелая секира Добрыни спасала жизнь молодому тогда князю.

— Согласен, — выдохнул царь.

— Но с одним условием.

Добрыня напрягся, ожидая приказа.

— Ты едешь с ним, — жестко отрезал Святослав.

— От начала и до конца. Мальчишка горяч, весь в меня, но сейчас эта кровь может его погубить. Без тебя он либо нарвется на засаду лесных охотников, защищая свою честь, либо замерзнет в первом же сугробе, решив доказать лесу свою удаль. Ты отвечаешь за него головой. Если Владимир не вернется целым — я спрошу с тебя лично.

Воевода лишь коротко кивнул, принимая волю господина. Это было опасно, но справедливо.

— А войско? — глухо спросил Добрыня, и этот вопрос повис в тишине зала тяжелым камнем. Кто-то должен был держать порядок железной рукой, пока два главных претендента грызутся, а третий сослан.

Святослав криво усмехнулся, показывая желтые зубы. Царь понимал проблему.

— Войском командовать буду я, — проскрипел он, постучав сухим пальцем себе в грудь.

— Пока дышу. Он перевел тяжелый взгляд на старшего сына. Ярополк, стоявший поодаль, вздрогнул, почувствовав этот ледяной взор даже сквозь полумрак. Рука князя сама собой дернулась к поясу, проверяя наличие кинжала, но тут же расслабленно упала.

— А приглядывать за порядком оставим тому, кому выгодна стабильность больше всего. Пусть старший братец понервничает. Скажи гридням, чтобы слушались только моего слова.

Добрыня молча склонил голову и отошел к дверям, где уже ждал верный оруженосец с вещами.

Святослав же остался сидеть, тяжело опираясь на подлокотники. Он смотрел прямо в глаза Ярополку. Старшему сыну стало не по себе под этим взглядом. В полумраке залы он привык видеть отца — больного, раздражительного старика, доживающего свой век. Но сейчас из темноты на него смотрела сама История: холодная, расчетливая и беспощадная.

— Иди сюда, — прохрипел царь.

Ярополк подошел медленно, стараясь сохранять достоинство, хотя ноги слегка дрожали. Он остановился в трех шагах от трона, соблюдая дистанцию уважения, которая сейчас казалась пропастью.

— Тебе нравится то, что ты видишь? — Святослав обвел слабой рукой разгромленную залу. Осколки дорогой посуды хрустели под сапогами стражи у входа.

— Брат идет против брата. Мед течет вперемешку с кровью. А ты... ты стоишь и считаешь убытки, пока рушится крыша нашего дома.

— Я сохраняю порядок, отец, — ровно ответил Ярополк. Его голос был лишен эмоций, словно они обсуждали цены на соль. — Мудростью, а не топором. Если бы я обнажил меч там, за столом, Олег вырезал бы половину дружины, прежде чем вы успели бы встать. Теперь они знают: трон неприкасаемый, даже если царя нет в зале.

— Твоя мудрость смердит страхом, — отрезал царь. Голос его окреп, в нем зазвучала сталь прежних лет.

— Олег хочет крови. Владимир хочет славы любой ценой. Они оба готовы сжечь город дотла, лишь бы погреться у костра своей победы. А чего хочешь *ты*, Ярополк? Кроме того, чтобы дожить до моей смерти целым?

Ярополк сглотнул. Этот вопрос был опаснее любого клинка, обнажившегося под столом. Он посмотрел на свои руки, затем снова на отца.

— Я хочу, чтобы город стоял, когда тебя не станет, — тихо произнес он. — Чтобы купцы не боялись заходить в наши порты, а матери не прятали детей при виде княжеских стягов.

Святослав хрипло рассмеялся, но смех тут же перешел в надрывный кашель, сотрясавший его плечи. Сплюнув тягучую мокроту в сторону, царь долго собирался с силами.

— Благородно, — наконец выдохнул он.

— И глупо. Ты думаешь, государство держится на твоих бухгалтерских книгах? Оно держится вот здесь.

— Царь постучал сухим пальцем по рукояти своего меча, лежащего на коленях. — На ужасе.

Пока эти волки боятся моего рыка, они грызут друг друга втихую. Как только я закрою глаза... твоя "мудрость" будет растоптана первым же сапогом Олега, который решит, что пора делить казну. Святослав потянулся к оружию, словно желая вскочить и доказать свои слова делом, но пальцы лишь бессильно царапнули ножны. Силы окончательно оставили старика. Он захрипел, тело свело жестоким приступом кашля. Царь перегнулся пополам, сотрясаемый спазмами; лицо его посинело от нехватки воздуха.

Тяжелый родовой меч со звоном выскользнул из ослабевших пальцев и рухнул на каменный пол. Глухой удар металла о дерево прозвучал в тишине залы как погребальный звон.

Ярополк не двинулся с места. Он даже не наклонился, чтобы поднять оружие отца. В его глазах не было ни злорадства, ни страха — лишь холодная констатация факта: лев больше не может держать клинок.

Когда кашель утих, сменившись тяжелым, хриплым дыханием умирающего зверя, Святослав поднял голову. По подбородку стекала струйка темной крови.

— Пошел вон, — просипел царь, утирая рот рукавом.

— Убирайся.

Ярополк молча склонил голову ровно настолько, насколько требовал этикет старшего сына перед отцом. Развернувшись, он направился к выходу твердым, размеренным шагом человека, которому нечего бояться.

У самой двери, уже взявшись за массивное бронзовое кольцо, старший сын остановился. Он не обернулся.

— Как пожелаете, ваше величество, — произнес Ярополк ровным, лишенным всяких эмоций голосом.

Дверь закрылась беззвучно, оставив Святослава одного во мраке посреди разграбленной им же самой залы. Запах озона после недавней драки смешивался теперь с запахом болезни и старого железа. Меч так и остался лежать на полу — символ власти, слишком тяжелый для рук того, кто должен был её принять следующим.

Палаты Владимира пахли воском и дымом походных костров. Но сейчас порядок был нарушен: сундуки стояли нараспашку, а сам княжич стоял у окна, глядя в ночь разбитым лицом.

Тяжелая дверь без стука распахнулась. На пороге возник Добрыня. Огромная фигура воеводы заполнила проем.

— Собирайся, — пророкотал он.

— Приказ царя. Увозим тебя из города. Немедленно.

Владимир не повернул головы.

— Не поеду, — глухо бросил он стеклу.

— Это бегство.

Добрыня шагнул внутрь. Стукнула тяжелая створка. Воевода подошел к столу, смахнув с него ножи племянника одним движением руки, и тяжело сел на край. Весь облик грозного полководца осел.

— Посмотри на меня, — голос Добрыни стал тише.

Владимир медленно обернулся. Его глаза горели темной яростью.

— Олег не успокоится, — прямо сказал Добрыня.

— Ты ударил его по лицу при всех. Он будет искать тебя, пока не выпустит кишки. А царь... отец слабеет. Он гниет изнутри. Любой день может стать последним. Как только старый медведь издохнет или уснет от макового отвара, Ярополк спустит Олега на тебя. Тебя уберут тихо. Яд или «случайная» стрела.

Кулаки Владимира сжались до хруста.

— К демонам! — прорычал он.

— Я никуда не пойду! Если они хотят крови — пусть выйдут сюда! Я дойду до покоев Олега. Прямо сейчас!

Лицо Добрыни окаменело. Он поднялся, нависая над племянником черной тенью.

— Попробуй, — процедил воевода.

— Сделай хоть шаг за эту дверь. Твоя смерть сегодня ночью ничего не изменит. Род просто потеряет последнего бойца.

Владимир замер под этим взглядом, тяжело дыша. Бессилие жгло горло.

— Поэтому ты возьмешь плащ и исчезнешь, — уже спокойнее продолжил Добрыня.

— Это не ссылка. Это приказ выжить любой ценой.

— И бросить всё? — Владимир кивнул на оружие.

Добрыня впервые позволил себе подобие улыбки. Суровой, мужской. — Бросить двор, — поправил он. — Но не войну. Тебе нужны люди, Владимир. Те, кто пойдет за тобой, а не за приказом царя. Люди, которым плевать на волю Святослава. Такие есть. Они ждут вождя. Поедешь к ним. Станешь их знаменем. Когда придет время возвращаться, мы постучимся в ворота не с пустыми руками. Понял меня?

Владимир смотрел на дядю. Боль никуда не делась, но в голове прояснилось. Изгнание переставало быть позором. Оно становилось началом армии. Он молча шагнул к лавке и начал собирать вещи. За окном послышался нарастающий рев, перекрывший шум ветра.

— За мной! — ревел голос Олега, уже сорванный до хрипоты.

— Окружай терем! Ломайте дверь! Следом раздался тяжелый, глухой удар — таран врезался в дубовые ворота заднего входа. Зазвенело железо.

— Выходи, мелкий ублюдок! — орал Олег так, что дрожали слюдяные окна покоев Владимира.

— Я вырежу твое сердце! Прямо здесь, у порога отца!

Владимир замер с рубахой в руке. Его глаза вспыхнули бешенством. — Ну же, дядька...

— Пора уходить, — проревел Добрыня. Это был не приказ царя, это был рык матерого волка. Воевода шагнул к стене и с силой надавил на массивный потолочный брус. Скрытая дверца со скрипом поддалась, открывая темный лаз на чердак.

Первым по гнилым перекрытиям полез сам Добрыня, за ним, пачкая парчу кафтана в вековую пыль, карабкался царевич Владимир.

— Тише ты, княжич, — не оборачиваясь, бросил воевода, когда юноша оступился на узкой балке.

— Сапог ломаешь, пешком пойдем. Осторожнее, гвоздь торчит.

Слуховое окно примерзло от ночной сырости. Добрыня высадил его плечом. Моросащий дождь ударил в лицо. Они съехали по мокрым замшелым стропилам прямо в кучу прелых опилок за поленницей. Задний двор тонул в густом осеннем тумане, пахнущем палой листвой и стылым деревом. Глинистая земля чавкала под ногами, пытаясь стянуть сапоги.

Воевода махнул рукой в сторону длинного приземистого строения. До конюшни добрались вдоль забора, обходя глубокие лужи. Царевич тяжело дышал, хватая ртом влажный воздух — бегать тайными ходами ему приходилось впервые.

Тяжелая дверь конюшни была приоткрыта. Внутри тепло дышало сухим сеном, дёгтем и теплом здоровых лошадиных тел. У дальнего денника сгорбился старый конюх Савва, латая хомут при свете сальной свечи. Он поднял голову на скрип петель, но узнать гостей не успел. Добрыня оказался рядом раньше, чем старик успел выдохнуть. Короткий, без замаха удар костяшками пальцев ниже уха — Савва беззвучно осел на ворох соломы, выронив кривую иглу. Рядом с его рукой осталась лежать пустая фляга из-под дешевого меда.

Владимир метнулся гасить свечу, едва не опрокинув плошку в сено. В воздухе резко запахло горячим фитилем.

— Свет! — прошипел Добрыня.

В темноте слышалось только испуганное фыркание коней да шум дождя по тесовой крыше. Добрыня рывком распахнул ворота ближнего стойла. Его вороной Громобой, учуяв хозяина, нетерпеливо забил копытом, грызя деревянную перекладину.

— Заводного бери! Рыжего калмыцкого! — бросил воевода, затягивая ремни своего седла.

— Живо! Царевич бросился к соседнему деннику. Калмык храпнул, приседая на задние ноги и шарахаясь от непривычного запаха панциря Владимира, но рука юноши, привыкшая управляться с норовистыми скакунами, уверенно легла на храп. Подтянув подпругу дрожащими от спешки пальцами, Владимир взлетел в седло так быстро, как никогда еще не садился верхом.

Едва они оказались в седлах, Добрыня швырнул пустой деревянный ящик в открытую лохань с водой — раздался громкий всплеск, который должен был заглушить стук копыт о дощатый пол. Тяжелая створка ворот конюшни бесшумно закрылась снаружи.

Они вылетели через хозяйственный проезд, разбрызгивая холодную грязь. Позади над крышей дворца взвыло железо — стража наконец обнаружила дым от брошенного воеводой в дальнее сено факела и подняла тревогу. Медное било забило тягуче и заполошно. Царский терем остался за спиной — темная громада, растворяющаяся в промозглom октябрьском мраке. Теперь между ними и погоней лежали лишь разьеженные тракты, вязкие пашни и бесконечная ночь. И их было всего двое: матерый волк-опричник и юный наследник престола, скачущие сквозь ливень навстречу неизвестности. Над зубцами дальней стены небо подсвечивал тревожный оранжевый отсвет — зарево пожара в лесной деревне тянулось к облакам, связывая две беды одной нитью.

Тем временем возле царских палат между личной сотней Олега и людьми Добрыни разыгралась настоящая бойня.

Олег не отдавал команд — он молча работал, как мясник на леднике. В тусклом свете факелов его лицо с перекошенным от ярости ртом казалось демонической маской. Он не тратил время на фехтование. Первый же ратник Добрыни, выскочивший из тумана с занесенной секирой, рухнул навзничь: Олег принял удар на наруч — сталь жалобно хрустнула, руку до плеча прошило болью — а затем вбил свой прямой меч снизу вверх, под основание челюсти. Клинок вышел через макушку, лязгнув о кость.

Царевич дернул клинок на себя, вырывая куски плоти вместе с зубами, и тут же ушел в сторону, пропуская мимо тяжелое тело. Кровь хлынула ему на бармицу, смешиваясь с дождевой водой.

— Рубить! — прохрипел он сорванным голосом, обращаясь скорее к самому себе, чем к дружине.

— Кроши кости! *«Позор... Позор...»* — отстукивала кровь в висках в такт ударам сердца.

Это была не схватка, это была жестокая резня. Люди Добрыни были опытными волками, но они привыкли биться строем или брать числом. Сейчас их теснила первобытная, животная жестокость княжьего ближника. Олег перехватил вражеский топор голыми руками, ломая древко коленом, и всадил обломок дерева прямо в глазницу опричнику. Тот завизжал, захлебываясь кровью, пока Олег методично, раз за разом, вгонял острие глубже в череп, превращая лицо врага в кровавую кашу.

Рядом молодой дружинник Олега коротким кистенем размозжил голову десятнику Омишу. Череп треснул перезрелым арбузом, забрызгав брусчатку серым веществом и осколками зубов. Сам царевич добивал раненых пинками окованных железом сапог, дробя грудные клетки и слыша, как влажно лопаются легкие. Никакого благородства, никаких «брать живьем». Только глухие удары стали по живой плоти, треск ребер и булькающие предсмертные хрипы. Когда последний ратник Добрыни попытался уползти в туман, оставляя за собой

темный след, Олег догнал его одним прыжком и наступил тяжелым каблуком на затылок, буквально втирая лицо беглеца в грязь и камни мостовой.

Тяжело дыша, покрытый чужой кровью с головы до ног, он развернулся и бросился ко входу в покои Владимира. Стража у дверей лежала вповалку — свои ли порубили, люди ли Добрыни перед уходом, разбираться было некогда. Олег плечом вынес тяжелую дубовую створку, едва не сорвав ее с петель.

Внутри пахло остывшим медом, дорогим воском для печатей и паническим страхом. Горница была перевернута вверх дном: раскрытые сундуки, разбросанные грамоты, сорванные с окон тяжелые бархатные завесы. На полу валялся оброненный кем-то из беглецов серебряный кубок, втоптаный в густой ворс ковра.

Только испуганный стольник забился под стол, молясь своим богам. Олег подошел к нему медленно, тяжело ступая по мягкому ковру. Он не стал хватать старика за горло. Просто приставил окровавленный, парящий холодом октябрьского воздуха клинок к морщинистому кадыку.

— Где? — голос воеводы звучал тихо, почти ласково, и от этого становилось страшнее всего.

— Куда ушли?

— Туда... через чердак ушли... — просипел старик, чувствуя, как стальное жало царапает кожу. — Как стража колокол подняла, царевич брус нажал...

Олег резко толкнул рукоять вперед. Хруст хрящей утонул в гуле медного била, который тягуче звал тревогу над крышей дворца.

Царевич метнулся к окну, выходящему на задний двор. Сквозь пелену дождя и густеющего осеннего тумана смутно виднелось освещенное заревом пожара пятно конюшни. Оттуда, разбрызгивая грязь копытами, тяжелым галопом уходили два всадника.

Вороной конь Добрыни легко перемахнул через опрокинутую телегу. За ним, пригибаясь к шее скакуна, чтобы ветки старой яблони не выбили из седла, мчался Владимир. Его светлые волосы потемнели от воды и прилипли к щекам. Они уже пересекали хозяйственный проезд.

Олег ударил кулаком по свинцовой оконнице. Удар был такой силы, что толстый свинец прогнулся, а костяшки пальцев взорвались острой болью и свежей кровью. Они были далеко. Слишком далеко.

Пока стража будет выводить лошадей из главных ворот, пока разберется в узких переулках, куда свернули всадники — след остынет. Царевич исчез. И теперь Олег понимал, что этот ночной побег — не просто спасение шкуры. Это измена. Открытая насмешка, брошенная ему в лицо. А кровь на его руках еще даже не начала сворачиваться.

Подбежав к главным вратам детинца, Олег с размаху врезал кулаком по тяжелой дубовой створке.

— Открыть! — взревел он.

— Ворота! Живо! Начальник караула, протирая сонные глаза, преградил путь алебардой:

— Не велено, княже. Царь спит. Ключи у коменданта... Олег не дослушал. Он схватил начальника стражи за грудки, приподнял над землей и впечатал спиной в бревенчатую стену так, что затрещали кости.

— Таран мне! — прохрипел княжич, брызжа слюной.

— Или я соберу вашу виселицу из ваших же алебард! Грохот ударов тяжелых цепей и лязг поднимаемого засова раздались лишь спустя томительную минуту. Массивный подъемный мост начал медленно опускаться с протяжным скрипом, пожирая драгоценное время.

Глава 5. "Вожак"

Пять дней спустя после того, как сторел амбар, поселение лесных людей умирало от холода и страха. Снег еще не лег на землю окончательно, но ночами болото схватывало ледяным панцирем, который хрустел под ногами, как тонкое стекло. Запасы зерна, которые должны были кормить общину до самой весны, превратились в жирный пепел посреди выгоревшей поляны. Охотники возвращались из леса пустыми — зверь ушел глубже в чащу, пугаясь запаха гари, а сил ставить дальние ловушки у обессиленных мужчин не было.

В землянке Старших горел только один очаг. Дым ел глаза, выедавая остатки тепла. Воздух пах прелой шерстью, кислой капустой и безнадегой. На широких лавках вдоль стен сидели четверо: седобородый Борич, чьи руки помнили топор Рюрика; хромой кузнец Твердила, чей молот теперь молчал из-за отсутствия руды; вечно кашляющий травник Сварг; и сам Волк. Он сидел с самого края, низко опустив голову, так что тени скрывали ожоги на его лице.

— Третий обоз купцов прошел мимо нашего дыма, даже не свистнув, — проскрипел Борич, грея узловатые пальцы о глиняную кружку с травяным взваром.

— Раньше они кланялись нам через реку, соль везли за бесценок. Теперь для них мы — мертвое племя. Нечего взять.

— Какую руду? — глухо отозвался Твердила, баюкая обожженную руку. — Меха нет, потому что охотники копают коренья, чтобы животы набить. Топоры тупые, точить не на чем. Скоро сами начнем жрать свои кожаные ремни.

— Ремни уже начали, — подал голос Сварг. Его кадык дернулся вверх-вниз. — Вчера бабка Любава привела мальчонку своего. Говорит, три дня одна вода да сосновая заболонь. У него зубы шатаются. Если через неделю не будет муки, понесем его на курганы. Я варю хвойный отвар ведрами, но он лишь оттягивает конец. Кровь превращается в воду.

Тишина повисла такая плотная, что стало слышно, как воет ветер в дымоходе и где-то в углу тонко, безнадежно пищит голодная мышь. Все взгляды медленно сошлись на Волке. Он почувствовал их вес — тяжелый, обвиняющий. Пять дней он спал по два часа в сутки, обходя дозоры, латая прохудившуюся крышу общего дома и самолично разделявая тощую лисицу, попавшую в силки у самых землянок. Но лес давал слишком мало для стольких ртов.

— Я делаю все, что могу, — хрипло произнес Волк, не поднимая глаз. На тыльной стороне его ладони темнел свежий порез от неудачно брошенного ножа — рука дрожала от истощения.

— Дозоры удвоены. Кто замечен в праздности — идет рубить сухостой. Но я не могу приказывать реке отдать рыбу, а дубам — сбросить желуди.

— Ты можешь приказывать, пока белый камень признает твою кровь, — жестко отрезал Борич.

— А он ее не признал. Выборы отложены из-за пожара, это правда. Но отсрочка — не власть. Твоя рука больше не держит узду. Посмотри наружу.

Волк поднял голову. Старик кивнул подбородком в сторону низкого дверного проема, завешенного медвежьей шкурой.

— Лука исчез в ночь огня. Валес заперся в своей половине поселения и торгуется со своими прихвостнями, распределяя последние мешки сушеной рыбы. Мужики начинают пить брагу с утра, чтобы не думать о пустых животах жен. Бабы вчера побили камнями дочку Валеса просто за то, что она несла чистую воду в расписном кувшине. Это начало конца. Без вожака, чья воля — закон, отсюда сбегут даже рабы. Нам нужен тот, кто скажет «нет» и ударит палкой по спине тому, кто возьмет лишнее.

— Значит, нужно собирать вече, — устало сказал Волк.

— Объявим завтра. Пусть люди кричат. Кого выберут, тот и потащит этот воз.

— Не завтра, — вмешался Твердила. — Завтра половина деревни будет лежать пьяной или рыть мерзлую землю в поисках прошлогодней картохи. Соберем послезавтра. Дай людям два дня, чтобы привести себя в порядок. Чтобы вспомнить, что они — община, а не стая голодных псов. Приготовиться всем. Оружие, лучшие одежды, знаки родов. Мы покажем им силу, Волк. Даже если эта сила сейчас держится на одном честном слове.

— Через два дня, — подтвердил Борич.

— И ты приведешь своих людей на поляну первыми. Стоять стеной за спиной того, кого назовет камень. Или за своей собственной спиной, если духи будут милостивы.

Старейшины поднялись. Разговор был окончен. Решение принято. Судьба общины снова ложилась на плечи Волка тяжелым мокрым плащом. Эти два дня обещали стать пыткой: забить последних молочных поросят ради бульона для детей, перешивать гниющие обмотки и надеяться, что никто не умрет от заворота кишок, нажравшись от радости найденного в подполье заплесневелого зерна.

Молва о выборах быстро разлетелась по общине, холопы были отправлены в каждую избу, чтоб предупредить народ. Валес был больше всего рад — не столько выбору духов, сколько тому, что старейшины, наконец, перестали жевать сопли и приняли решение.

Старый кузнец, кряжистый, как мореный дуб, первым выскочил на улицу. Его луженая плотка перекрыла шум ветра:

— Слышали?! Два дня! Чтобы завтра к полудню ни одной мутной рожи за околицей не осталось! Кто сунется к бражке до срока — того Борич лично на воротах повесит сушиться!

Его слова падали на деревню тяжелыми подковами. Пьяный угар, еще час, назад казавшийся спасительным забытием, начал стремительно выветриваться. Визг пилы впился в уши — кто-то прямо сейчас, в сгущающихся сумерках, правил оглоблю, ломая древесину с сухим треском. Бабы, только что оплакивавшие пустые закрома, вдруг вспомнили про корыта и щелок. Из дальнего угла донеслась звонкая, злая оплеуха и детский скулеж — мать наказывала сына, сунувшегося под ноги взрослому с пустой плошкой. Мужики, тяжело поднимаясь с лавок, плевали на ладони и тянулись к топорам. Запах кислой браги медленно вытеснялся едким дымом от сырых дров и запахом мокрой овчины.

Валес метался между дворами живым факелом. Он бил кулаком в ворота тех, кто пытался отсидеться, заглядывал в темные углы клетей, сгонял молодежь чистить оружие.

— Где твой знак рода? — рычал он на молодого парня, копавшегося в сундуке. — Это тряпка или волчья шкура? Отряхни снег! Мать, дай ему чистую рубаху, ту, вышитую, что от бабки осталась! Сегодня ты смерд, а послезавтра — щит общины. Лицо умой, чтобы духи матери-земли твоего позора не видели! И привяжите Гуся к столбу, пусть сидит на виду, чтоб другим не повадно было хлеб прятать!

Волк стоял на крыльце своего большого дома и смотрел на эту муравьиную возню сверху вниз. Тяжелый мокрый плащ решения действительно давил на плечи, но впервые за долгие седмицы этот вес приносил не отчаяние, а холодную, звенящую ясность. Камень выберет одного. Но стоять придется всем. И если община сейчас сорвется обратно в пьянство, никакое честное слово его не удержит.

Он спустился во двор, где уже разгорались первые костры для просушки одежд. Подозвал старшего конюха:

— Всех коней. Вычистить так, чтобы чешуя блестела. Уздечки снять, надеть лучшую сбрую. Если у кого нет войлока под седло — режьте свои лучшие попоны. Мы идем туда не побираться. Мы идем показывать зубы.

— А своих-то куда ставить, воевода? — осмелел конюх, чуя перемену в настроении вожака.

— Моих ставь по правую руку от поляны, — ровно ответил Волк. — За спиной камня. Пусть видят: род Серых Волков стоит стеной. Даже если эта стена держится на одном честном слове.

К вечеру деревня преобразилась. Грязь со дворов была сметена в канавы, вдоль плетней встали свежеструганные рогатины. Из землянок тянуло вареным луком и редкой, драгоценной кашей — бабы выгребали последние запасы зерна, понимая, что идти в святилище нужно сытым, иначе руки будут дрожать. Дети, получившие строгий наказ носа не высовывать за тын, носились меж изб с чистыми лентами — готовили перевязи для оружия отцов.

На задах, у кузнечного горна, который Валес приказал раздуть вопреки всем запретам ради такого дела, лязгало железо. Кузнец правил зазубренные лезвия секир, сваривал лопнувшие кольца кольчуг. Искры летели в темнеющее небо, словно маленькие молитвы Перуну. Рядом двое молодых парней привязали тяжелый точильный круг веревками к деревянной колоде — их собственные руки дрожали от тремора истощения так сильно, что удержать брусок пальцами они не могли.

Ночь прошла без сна. Никто не пил. Люди сидели вокруг огней, молча правя клинки точильными камнями. Скрип кожи, шипение мокрой одежды над огнем да далекий голодный вой настоящего волка в лесу — вот и весь звук замершей в ожидании деревни. Страх никуда не делся, он просто затаился глубоко под ложечкой, уступив место тяжелой, сосредоточенной работе.

Послезавтра камень назовет имя. Или промолчит.

Волк снял со стены свой лучший пояс с серебряными бляхами, расправил складки чистой рубахи. Завтра они должны выглядеть как единый народ, готовый лечь в мерзлую землю целиком, а не искать в ней жалкие остатки гнилого прошлого. Послезавтра станет ясно, есть ли у них будущее вообще. Мать тронула его за локоть, когда он уже шагнул в сени за тяжелым плащом. Ее сухие пальцы впились в кожу даже сквозь плотную ткань рубахи.

— Волк, — голос ее был тихим, но не терпящим возражений.

— Ты забыл о жертве? Духи камня и Перун-громовержец не примут пустых рук.

Он замер, опустив голову. Он помнил этот закон лучше собственной боли. Прошлый вожак, что правил более десяти лет, на алтарь Перуну приволок пятерых рабов, взятых в плен у лесных соседей. Казнил их прямо на жертвенном камне под удары бубнов, чтобы кровью купить милость богов и страх общины. Старейшины тогда довольно кряхтели, обтирая липкие руки о бороды.

Но Волк не хотел приносить в жертву людей. Его власть должна была держаться на слове и мече, а не на ужасе перед кровавой требухой. Для этой цели в прошлый раз он отправил Игоря на рыбалку. Десять пудов жирного леща и щуки, брошенные к подножию идола, должны были показать не жестокость, а силу вождя — умение накормить общину в самое голодное время, задоблив духов изобилием без братоубийства.

Но Игоря не было пять дней. Пятый день от него не было ни слуху ни духу. Поиски вдоль замерзшей реки ничего не дали — лишь волчьи следы да обломанные ветки тальника. То ли ушел искать прошлогоднюю картоху дальше всех и заблудился, то ли река сыграла с ним шутку. Искать дольше означало сорвать сроки.

Волк молча кивнул матери и вышел во двор. Буйвол стоял в дальнем хлеву, тяжело переступая с ноги на ногу. Огромный черный зверь, отцовский любимец. По весне именно он тянул тяжеленный плуг по комьям земли, выворачивая пласты под первую пшеницу. На нем держалась надежда на будущий урожай. Увести его на убой сейчас — значит собственными руками подписать деревне приговор еще до начала выборов. Но другого выбора боги ему не оставили.

— Выводите, — глухо бросил он двум холопам.

Когда буйвола вывели на вытопанную глину двора, он только шумно выдохнул, глядя на хозяина влажным, доверчивым глазом. Не мычал, не рвался. Будто понимал, ради чего ложится

под нож. Мужики туго спутали ему сыромятными ремнями ноги, прижали рогатиной шею к земле, обнажив широкую грудь.

Волк шагнул вперед. Взял протянутый матерью обсидиановый нож. Лезвие было ледяным. Он провел ладонью по мощному боку животного, чувствуя густую шерсть, и встретился взглядом с огромным коричневым глазом зверя.

— Прости, старик, — едва слышно прошептал он.

— Не тебя я хотел отдать Перуну. Одним резким движением Волк полоснул ножом по горлу. Черные капли хлынули в подставленный берестяной ковш, густой пар поднялся над землей. Женщины тут же замазали свежий надрез на шкуре смесью глины и толченого мха, шепча заклятия, чтобы остановить кровь и уберечь зверя от смерти. Затем его повели к общинному ручью. Мыли долго, поливая теплой водой из кожаных ведер, скребли бока пучками полыни, пока черная шерсть не заблестела, как антрацит. После омовения тушу принялись наряжать: обвили рога алыми лентами, повесили на могучую шею ожерелье из сушеных колосьев и звонких медных блях, а между лопаток закрепили расшитое заговоренное полотно. Закончив приготовления, мужчины встали широким кругом вокруг связанного зверя. Они затянули низкие молитвы предкам, мерно ударяя посохами в сухую землю, прося духов принять грядущий дар.

Мать сама омыла лезвие топора талой водой, вытерла его пучком крапивы.

— Так правильно, сын, — сказала она, хотя лицо ее дрожало. — Лучше отдать свое, чем забрать чужое. Земля видит разницу. От самого речного брода люди вели упрямую животину почти волоком: разъяренный буйвол упирался раздвоенными копытами в глину, взрывая дерн и низко ревя, так что двоим, приходилось повисать на сыромятном аркане, а третий хлестал его по влажной морде плетью, отгоняя слепней. Лишь перед самой оградой зверь выдохся, позволив втолкнуть себя внутрь.

Волк поставил над ним лучших своих людей, вложив им в сердца ледяной завет: лечь костями, но уберечь стадо. Подле этого косматого исполина ныне сходились все надежды будущего вождя, ибо иных даров для умиловления небес у предводителя больше не осталось.

Тем временем, пока в становище кипела эта суета, в низовых болотах, у гнилых топей, замер Валес. Он давно чуял запах перемен, и теперь тень грядущего выбора легла на окрестные земли тяжелым гнетом. Не тратя лишних слов, Валес выудил из-под рогожи промасленный сверток. Его человек — кривой Бортъ — уже переминался босыми ногами в холодной жиже, ожидая приказа.

— Возьмешь лодку-долбленку, — прошелестел Валес, вкладывая в его ладонь берестяной туес.

— К закату ты должен быть в лагере Роллю. Передашь Луке и ему самому. Пусть немедля начинают готовить Игоря. Завтра прольется кровь Совета. Выборы пройдут на утопанной поляне, и это будет не суд богов, а грызня за власть. Пусть готовятся к возможной битве. Если Волк проведет своего зверя через обряд, старый порядок рухнет. Мы должны встретить зарю либо с новым вождем, либо с окровавленными секирами.

Бортъ молча прижал послание к груди и беззвучно канул в сизый вечерний туман. Ему предстояло пройти через гиблые места, где ледяная вода заливается в сапоги, превращая ступни в бесчувственные деревяшки. Валес остался один вслушиваться в комариный звон над черной водой. Он машинально потер ладони друг о друга, пытаясь согреться и смыть невидимую грязь предстоящего предательства.

Пять дней спустя Игорь открыл глаза. Над головой вместо родного неба нависал низкий свод из черного пропитанного дегтем полотна. Пахло гарью, немытыми телами и кислым кобыльим молоком. Голова раскалывалась, плечо пульсировало тупой болью — там, под грязной повязкой, скрывался страшный ожог. Попытка пошевелиться показала, что он лежит на жестких деревянных досках, а руки плотно связаны за спиной. Сквозь щель в пологе пробивался тусклый свет. Игорь повернул голову. Совсем рядом, буквально в трех шагах, лежал Лука.

Старый бортник выглядел непривычно: пропала привычная хозяйская сутулость, взгляд стал острым и хищным. Сейчас он ничем не напоминал уставшего мужика с белого камня — это был матерый зверь в своей норе. Заметив, что пленник пришел в себя, Лука растянул губы в улыбке, от которой веяло могильным холодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.